Каринэ Арутюнова

До курицы и бульона

Часть сборника
Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Есть ли в вашем доме настоящая шумовка?

Которой снимают (в приличных домах) настоящий жом. Жом – это для тех, кто понимает.

В незапамятные времена дни были долгими, куры – жирными, бульоны, соответственно, – наваристыми, и жизнь без этой самой шумовки уж кому-кому, а настоящей хозяйке показалась бы неполной…»

- Каринэ Арутюнова
  - ○

Каринэ Арутюнова
До курицы и бульона

Есть ли в вашем доме настоящая шумовка?

Которой снимают (в приличных домах) настоящий жом. Жом – это для тех, кто понимает.

В незапамятные времена дни были долгими, куры – жирными, бульоны, соответственно, – наваристыми, и жизнь без этой самой шумовки уж кому-кому, а настоящей хозяйке показалась бы неполной.

Шумовка как важный предмет кухонного обихода была ничуть не менее важна, чем, например, стиральная доска или чугунный утюг. Таким утюгом можно было выгладить все, что угодно! Какими безупречными казались складки, стрелки, воротнички, стоило только пройтись по ним тяжеленным (Не трогай! Обожжешься, уронишь, покалечишься) и полным незаметного достоинства чугунным чудовищем.

Чудовище было сделано на века (и где он теперь, где? не иначе, как в одной из антикварных лавок, коих развелось великое множество).

Как, впрочем, и дверцы комода, и выдвижные ящички (шифлодики, или шухлядки – кому как нравится).

Однажды пришлось обильно попотеть, прежде чем открылся запертый на ключ нижний ящик письменного стола, – ключ все не проворачивался в засоренной чем-то замочной скважине, я долго корпела над ней, сопя, пока не раздался характерный хруст – что-то предательски хрустнуло в этой самой скважине, и ладони мои взмокли, – обломки ключа я выковыривала с каким-то извращенным сладострастием, а после уже рвала и терзала ни в чем не повинный ящик, – клянусь, мало что могло остановить юную взломщицу в момент совершаемого преступления, хотя картины Страшного суда одна за другой являлись перед затуманенным взором.

Хруст, щелчок, рывок, и ящичек плавно поддался. Не ожидая столь быстрого разрешения, я замерла перед свершившимся (о, не исправить, не скрыть) фактом и богатством открывшегося.

Чего только не было в тайнике!

Насладившись вдоволь – перечисляю по порядку – записными книжечками, перьевыми ручками, курительными принадлежностями (и в том числе изогнутыми причудливо трубками), сладким табачным ароматом, сверкающими зажигалками, кнопками, монетами, открытками, ножиками для

разрезания бумажных листов, – дрожащими руками я выудила со дна ящика старательно перевязанную бечевкой пухлую пачку писем.

Не мешкая, развернула ее, – впрочем, я делала это столь же поспешно, сколь бережно, – письма (это я поняла, уже разворачивая, на ходу вчитываясь, вникая) оказались от достаточно близких мне людей, – сказала бы, самых близких, – и что самое удивительное, по тональности писем, легко сопоставив даты, события, факты, я сделала весьма важный вывод.

Забравшись с ногами на застеленный грубым паласом топчан, стоявший неподалеку, – а дело происходило в кабинете отца, в святая святых, – я погрузилась в чарующий мир чувств, эпитетов, иносказаний…

Странное дело.

Преступницей себя я не ощущала.

Счастливо улыбаясь, листала странички, исписанные порывистым папиным почерком, придирчиво всматривалась в даты, искала соответствующий дате и смыслу мамин ответ, – о, я ощущала себя донельзя причастной к таинству, и потому мысли о противозаконности моих действий были весьма далекими от меня.

Ведь то, что находилось у меня в руках, было очевидным доказательством того, что рождение мое стало всего лишь звеном в цепи почти случайных событий и что без этих писем (в которых… о, боги, в которых, будто удивительнейший роман, развертывалась история, конечно же, любви, – не родителей, а пока еще незнакомых мне людей, незнакомого мужчины и незнакомой женщины), что без этих писем, сумбурных, полных противоречий… не было бы…

Пока писались эти письма, уже (где-то там, на небесах – даже я, без пяти минут пионерка, смутно об этом догадывалась) зажигалась крохотная звезда, предшествовавшая моему рождению.

При чем здесь шумовка, спросите вы, при чем здесь бульон.

Да вроде бы ни при чем, – отвечу я, чуть подумав.

Вроде бы ни при чем, хотя…

Это был долгий-долгий сентябрьский день.

Бабушка возилась на кухне, снимала шумовкой жом (такая мутная желтоватая пена); она снимала жом, радуясь тому, что курица оказалась, слава богу, упитанной, – варка курицы была, если хотите, миссией, судьбой, счастливым итогом состоявшейся жизни…

Я, вполуха вслушиваясь в бабушкино бормотание (там было и насчет курицы, и насчет всего прочего – об этом потом),

исступленно возилась у взломанного ящика, а после, забыв обо всем на свете, упивалась романом в письмах.

В нем был долгожданный ответ на постоянно задаваемый вопрос: что было до всего?

Ну, до всего – до того, как появилась Земля, Луна, Солнце, звезды, еще до курицы и бульона, до громоздящихся одна на другую пятиэтажек, до сгущающихся осенних сумерек, до жесткого папиного топчана, до бабушкиного бормотания там, на душной кухне, до сломанного, застрявшего в замке ключа, до моего преступления и последовавшего за ним наказания (а вы как полагали?), несерьезного, впрочем (ну, как ты могла? как? Чужие? Письма? Читать? не говоря уже о ящике?) – еще до всего, что случилось тогда и должно было случиться после…

Любовь, – именно она, – до звезд, луны, бульона и курицы, – как начало длинной-предлинной истории, в результате которой на свет появилась я, потное, виноватое, взъерошенное существо со стиснутыми кулаками, еще минуту назад потрясенное великим открытием, пожалуй, самым значительным в жизни.